ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ: ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРАЗДНИКОВ И ОБРЯДОВ

УДК 394.2
ББК 63.5

ТЕНДЕНЦИИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ НАРОДНЫХ ПРАЗДНИКОВ В ЛОМБАРДИИ)

МАРИЯ НИКИТИЧНА ЧЕЛИНЦЕВА
(Независимый исследователь: Российская Федерация, г. Москва)

Аннотация. *Считавшаяся ранее малоинтересной и обреченной на исчезновение, традиционная праздничная культура Ломбардии в последнее время возрождается и развивается, порой неожиданными путями, адаптируясь к новым условиям и потребностям населения. К обрядовым действиям переходного зимне-весеннего периода, сохраняющимся до нашего времени, можно отнести обычай разжигания костров в день святого Антония (17 января), сожжение чучела ведьмы Джюбианы (последний четверг января), обряд «Вызывания травы» (первый четверг или первый день марта), обряды изгнания зимы (последний день января или марта). В удаленных районах области праздничная обрядность переходного зимне-весеннего периода наиболее тесно связана с сельскохозяйственной деятельностью населения, и в ее проведении участвуют непосредственно члены общины. В ремесленных центрах на севере области обряды выражаются в уличном шествии молодежи, сливаясь с карнавальными празднествами. Зачастую при содействии местных властей и общественных организаций праздник становится ярким массовым действом. Карнавалы, как наиболее изучаемые явления народной духовной культуры Италии, и в частности Ломбардии, повсеместно переживают возрождение, с большим (в альпийской и приальпийской зонах) или меньшим (в ремесленных центрах и крупных городах, включая Милан) следованием традиции. В случае вмешательства властей они зачастую приобретают формы организованного, заранее спланированного зрелища. Следует предположить, что, скорее всего, именно социально-культурная среда крупного города в настоящем и будущем послужит почвой для зарождения новых и преобразования старых форм народной праздничной культуры.*

Ключевые слова: *преобразование традиции, праздники Италии.*

Долгое время среди итальянских исследователей народных традиций бытовало мнение, что Северная Италия в целом и Ломбардия в частности представляют собой территории, почти полностью утратившие следы проявлений традиционной жизни в результате интенсивного экономического развития, значительных социальных изменений, массового притока рабочей силы из южных областей страны. Однако начиная с шестидесятых годов XX столетия, когда в северных областях начались систематические исследования, этнологам пришлось признать, что, хотя многие черты традиционной жизни были искажены или стерты произошедшими изменениями, все же оставшегося было достаточно много для научного изучения. В настоящее время

уже никто не ставит под сомнение необходимость и важность проведения исследований современного состояния народной культуры, в первую очередь духовной, в тех регионах страны, где большинство населения живет в условиях урбанизированного высокоиндустриального общества.

Проведенные исследования показали, что после периода кризиса 1950–1960-х гг., связанного с переходом к новым условиям жизни, наблюдается процесс возрождения некоторых элементов традиции, адаптированных к новым потребностям населения. Он проходит на фоне унификации материальной и духовной жизни и растущего воздействия средств массовой информации (в первую очередь телевидения). Новые условия существования, обеспечивающие относительное благосостояние, не могут, однако, дать желаемого удовлетворения потребностям в общении и самовыражении. Поэтому в первую очередь возрождаются те формы традиционной народной культуры, которые дают возможность творческой самореализации, коллективного взаимодействия. Одной из таких форм, безусловно, является праздник. В эпоху всеобщего распространения массовой культуры, когда телевидение все активнее предлагает ежедневный дозированный искусственный праздник «для внутреннего пользования», а рост общего благосостояния и увеличение свободного времени дают возможность не дожидаться, отказывая себе во всем, дозволенного момента развлечений и изобильной еды, когда жизнь уже не подчинена циклам сельскохозяйственной деятельности, праздник, пусть в преобразованном виде, продолжает существовать. И выполняет он необходимые социальные функции — как время насыщенного положительными эмоциями интенсивного общения членов группы, общения, выходящего за рамки повседневности, дающего индивиду возможность ощутить свою сопричастность конкретному коллективу.

Основная задача автора данной статьи — показать возникшие в последние десятилетия и развивающиеся в настоящее время тенденции изменений в сфере народных праздников под воздействием различных факторов — демографических, социально-экономических, культурных[1]. Выбор в качестве объекта исследования Ломбардии обусловлен как имеющейся в распоряжении автора литературой, так и возможностью использовать личные наблюдения. Кроме того, по мнению автора, специфика данного региона позволяет исследовать влияние на рассматриваемый феномен самых разнообразных факторов.

Область Ломбардия (Lombardia), расположенная на севере Италии, является самым промышленно развитым регионом страны, во многом находясь ближе по уровню развития к странам Центральной и Северной Европы, чем к остальной части Италии.

Административные границы Ломбардии скорее условны: многие населенные пункты приграничных провинций соседних областей — например, Новара в Пьемонте, Верона в Венето или Пьяченца в Эмилии-Романье — тяготеют к Ломбардии. Также и граница со Швейцарией разделяет географически однородные регионы. Это дает возможность говорить о Ломбардии как о географически культурном ареале, выходящем за рамки чисто административного деления.

Внутри самой области можно выделить три географические зоны: альпийскую, предгорья Альп и долину р. По.

Альпийская зона, занимающая северную часть области, является наименее экономически развитой. В настоящее время здесь сохраняются традиционные виды хозяйства, в основном горно-пастбищное скотоводство, незначительная прибыльность которого вынуждает многих жителей альпийской зоны переезжать в близлежащие небольшие и более крупные промышленные центры в поисках устойчивого заработка; плотность населения здесь значительно ниже, чем в области в целом.

Благодаря большей изоляции в альпийской зоне до недавнего времени

[1] Значимость изучения изменений традиции в новейшее время, среди прочих, отмечена именно в таком контексте С. А. Токаревым: «К сожалению, в очень многих случаях мы не располагаем точными и достаточно полными свидетельствами о судьбе традиционных обычаев в наше время: сохранились ли они или исчезли, видоизменились ли, утратили ли прежний смысл, получили ли новый. Такие вопросы особенно важны для оценки традиционных обычаев, имевших прежде религиозно-магический или церковно-христианский смысл, но впоследствии подвергшихся секуляризации и выступающих ныне просто как народные развлечения, молодежные или детские праздники» [Календарные обычаи 1983, 7].

сохранялись в почти неизменном виде многие элементы народной культуры, однако в последние десятилетия отток активного населения, и прежде всего молодежи, в города приводит к постепенному угасанию проявлений традиционной духовной жизни. Начавшееся недавно освоение альпийской зоны Ломбардии индустрией горно-лыжного туризма, возможно, вскоре приведет к возникновению здесь организаций, занимающихся проведением различных фольклорных манифестаций, как произошло в соседних областях — Пьемонте, Трентино-Альто Адидже, Валле д'Аоста. Однако подобные мероприятия можно отнести скорее к развлекательным шоу коммерческого толка для привлечения туристов.

В зоне альпийских предгорий благодаря наличию воды и возможности получения электроэнергии еще в прошлом веке начинается интенсивное развитие промышленности, ускорившее процесс перехода жителей зоны от занятий сельским хозяйством к участию в индустриальном производстве. Кроме того, регион со множеством чистых ледниковых озер представляет большой интерес для туризма в масштабах не только самой области.

Почти половину территории области занимает долина р. По. Это наиболее развитая часть Ломбардии как в плане сельского хозяйства, так и промышленности. Южная часть долины представляет собой регион передового, высокоинтенсивного сельского хозяйства с применением новейших методов и оборудования. Наличие здесь высокоплодородных аллювиальных почв, применение ирригационных систем и влажный климат позволили добиться высоких результатов в выращивании пшеницы, кукурузы, риса и в животноводстве мясо-молочного направления. По производству пшеницы Ломбардия находится на четвертом, а по разведению крупного рогатого скота и производству молока — на первом месте в Италии. Сельское хозяйство области тесно связано с пищевой промышленностью и по организации сравнимо с промышленным капиталистическим производством. В течение XIX в. именно доходы от сельского хозяйства позволили ломбардской буржуазии начать строительство промышленных предприятий, и лишь позднее к первым капиталовложениям прибавились другие (прибыль от промышленного производства и деньги, предоставленные итальянскими и иностранными, в основном германскими, банками). Таким образом, в конце прошлого века Милан стал самым важным промышленно-финансовым центром Италии.

Север долины является, безусловно, самым индустриализированным регионом не только области, но и всей Италии. Плотность населения здесь чрезвычайно высока, многочисленные разросшиеся города сливаются в конгломераты, сельское хозяйство практически отсутствует, а почти все активное население занято в области промышленности и услуг. Некоторые отрасли промышленности развились в результате использования опыта многовековых ремесленных традиций области: в основном это изготовление шелковых и хлопчатобумажных тканей, обуви, мебели. Однако предприятия подобного рода хотя и многочисленны, но невелики.

Огромную роль в экономике области и всей страны играют крупные металлургические, машиностроительные, нефтеперерабатывающие комплексы, предприятия химической и электронной промышленности. Многие из них расположены в Милане и его городах-спутниках. В 1950-е гг. возникновение и рост этих предприятий вызвал дополнительную потребность в рабочей силе, которая не могла быть удовлетворена целиком за счет жителей области. Ломбардия и другие области севера с интенсивно развивающейся промышленностью приняли на себя волну массовой миграции населения других, в первую очередь южных, областей страны. Впервые за всю историю объединенной Италии наблюдалось столь многочисленное перемещение жителей, в процессе которого не раз вспыхивали острые социальные конфликты между коренными жителями севера и приезжими южанами. Чаще подобное смешение приводило не к духовному взаимообогащению представителей разных региональных культурных традиций, а, напротив, к значительному упрощению, уплощению духовной жизни, выражаясь в стремлении приезжих избегать проявлений «отсталого провинциализма», «инаковости», вызывавших в то время безусловно отрицательную реакцию как местных жителей, так и земляков, пытавшихся максимально интегрироваться в новую социальную среду. Однако в последние

годы и среди иммигрантов с юга наблюдается всплеск интереса к собственной традиционной культуре, отмечаются попытки проведения силами общественных организаций соплеменников различных мероприятий, в том числе и праздников.

С точки зрения процессов в сфере традиционной культуры область Ломбардию можно подразделить на два региона, причем такое деление будет обусловлено в основном социально-экономическими причинами. Первый из них — это регион, в котором в последние десятилетия наблюдается постепенное уменьшение числа элементов традиционного уклада жизни. Сюда относится значительная часть альпийской зоны, особенно те местности, которые оказались в стороне от удобных горнолыжных спусков, а также те населенные пункты приальпийской зоны, основным занятием жителей которых были мелкие ремесленные промыслы, вытесненные с развитием крупной промышленности, поставка леса и древесного угля промышленным предприятиям — деятельность, также утратившая свою необходимость с постройкой большого числа гидроэлектростанций. Для этого региона характерен значительный отток населения, особенно молодежи, в города как Италии, так и других стран (на постоянное место жительства и для сезонного найма на работу). Это часто приводит к разрыву преемственности в передаче традиционных ценностей; что касается праздников, то их число значительно сокращается, в основном за счет тех, главными действующими лицами которых должна быть молодежь.

Другой регион представляет собой наиболее экономически развитые зоны предгорий Альп и долины р. По, а также те населенные пункты альпийской зоны, которые благодаря росту туристического интереса переживают в последние годы некоторый экономический подъем. Здесь динамика трансформации праздников иная: после периода почти полного исчезновения многих из них во времена Второй мировой войны и послевоенного восстановления и экономического подъема[2] в 1950–1960-е гг. наблюдаются самостоятельные попытки возрождения народных праздников со стороны взрослого населения, знакомого с традиционными нормами культуры по собственным детским и юношеским впечатлениям. Молодежь же воспринимала подобные попытки как анахронистические проявления культуры отсталых крестьян и жителей маленьких городов, не вписывающиеся в представления о новом, «современном» образе жизни.

Лишь по прошествии примерно десятилетия отношение к полузабытым праздникам со стороны молодежи, теперь уже достигшей относительного благополучия и хотя бы внешне вписанной в «современный» мир, стало изменяться в лучшую сторону. Кроме того, и местные власти стали проявлять интерес к организации фольклорных манифестаций, в том числе путем финансового, а позднее и непосредственного участия в их подготовке и проведении. Во многих случаях это привело к зависимости успеха праздника целиком от объема средств, выделяемых на его проведение местными властями, ввиду сложностей самостоятельного финансирования со стороны общественного организационного комитета.

Многие возрожденные праздники стали удобным поводом для пропаганды коммерческими предприятиями своей продукции. Комитеты по туризму наибольшую заинтересованность проявляли в проведении наиболее зрелищных, ярких, театрализованных мероприятий в местах наибольшего наплыва туристов, часто со смещением на более удобную дату празднования, с включением в программу элементов, часто несвойственных традиционной форме праздника, с почти обязательной сопутствующей ярмаркой-демонстрацией изделий местных промыслов и дегустацией традиционных блюд. Все эти мероприятия часто вытесняют собой сам праздник, превращая участников его в зрителей, пассивно потребляющих готовое зрелище, лишенных возможности самостоятельно творчески взаимодействовать с окружающими.

Попытаемся проследить изменения, происходящие в сфере праздничной обрядности Ломбардии, на примере отдельных народных праздников.

[2] Насколько масштабным был процесс отмирания элементов традиционной культуры, судить сложно, особенно ввиду того, что довоенные источники по народным праздникам Италии в целом и Ломбардии в частности весьма скудны и часто недостоверны.

Традиционно на севере Италии зимне-весенний период был наиболее насыщенным праздниками и обрядами, причем не всегда главные праздники христианства — Рождество и Пасха — занимали среди них центральное место. Большая часть праздников и обрядов этого сезона — это обряды так называемого переходного периода [Календарные обычаи 1983, 3–4], посвященные символическому изгнанию зимы, ритуальному очищению крестьянской общины перед наступлением нового сельскохозяйственного сезона, пробуждению жизни в окружающей природе. Подобные проявления традиционной, в первую очередь крестьянской, культуры неизбежно должны были претерпеть изменения в ходе процессов промышленного развития региона, внедрения капиталистических элементов в систему сельскохозяйственного производства.

Недалеко от Милана, в долине р. Адда до сих пор распространен обычай разжигания костров в день святого Антония (17 января)[3], хотя вместо ставшего чересчур дорогостоящим традиционного древесного топлива используются старые автомобильные покрышки. В регионе, где сельское хозяйство полностью вытеснено промышленным производством, обряды, практиковавшиеся в день святого — покровителя животных и связанные с заботами о сохранении поголовья скота или попытками угадать будущий урожай (окуривание скота дымом от костра, гадание по направлению дыма), ушли в прошлое, оставив в память о себе лишь костры как повод для совместного развлечения молодежи.

Другое событие января — устраиваемое в последний четверг месяца в г. Канту́ (Cantú), провинция Комо, торжественное сожжение чучела ведьмы Джюбианы, имя которой дало название всему празднику. Слово *Giübiana* происходит от диалектного названия четвертого дня недели, в который, по народным поверьям, ведьмы собирались на свой шабаш. Праздник, которому в послевоенные годы, как и ему подобным, грозило полное исчезновение, был сохранен, а впоследствии стал довольно известным (причем и за пределами города) благодаря деятельности общественных организаций по возрождению народных традиций, а с 1970-х гг. — и непосредственной поддержке властей, широко пропагандирующих данное мероприятие в целях привлечения посетителей извне. И хотя в качестве сжигаемого чучела сейчас используется гротескное изображение роскошной кинодивы, а для музыкального сопровождения «церемонии» приглашается профессиональный ансамбль, все же общий дух сопереживания, эмоционального соучастия в происходящем царит во время праздника. Он проявляется, в частности, в грохоте, который участники издают при помощи взятых из дому различных металлических предметов. И он свидетельствует, по мнению известного исследователя традиционной духовной культуры Ломбардии Р. Лейди, о сохранении значения праздника как обряда изгнания зла в переходный от зимы к весне период активизации «деятельности» нечистой силы, хотя сами участники действа вряд ли осознают его подлинный, первоначальный смысл [Leydi 1988, 56–57].

Подобное название — *La giobiana* — носит еще один обряд, схожий по содержанию, но отличающийся по форме, бытующий в небольшом поселке Вальторта, расположенном в приальпийской долине Стабина провинции Бергамо. Вальторта находится в относительной изоляции благодаря своему расположению на окраине провинции и по сей день сохраняет многие черты традиционной культуры. Каждый год в первый четверг марта дети и подростки поселка, повесив себе на шею или прикрепив к поясу увесистые коровьи ботала *(i ciòche)*, собираются вечером в условленном месте и, производя непрерывный шум, двигаются по направлению к близлежащему лугу, с которого еще не полностью сошел снег. Дойдя до луга, они либо обходят его, выстроившись в цепочку и гремя колокольцами, либо, образовав круг вокруг луга, двигаются одновременно по направлению к центру, сопровождаемые хором бубенцов. Смысл действий состоит в том, чтобы «разбудить траву» после долгого зимнего отдыха, заставить ее расти быстрее и гуще, что на территории со скудными почвами, непригодными для возделывания под сельскохозяйственные культуры, имеет жизненно важное значение, поскольку трава служит кормом для скота [Irranca 1980, 20–21].

[3] О праздновании дня святого Антония см. в статье Н. А. Красновской: [Календарные обычаи 1977, 13].

В целом в северной части Ломбардии сохранилось довольно много обрядов, выполняемых в период с января по март и имеющих много общего в характере выполнения, составе участников и интерпретации их исконного значения. Как правило, подобные обряды выполняются детьми или молодежью, причем, несмотря на юный возраст участников, часто заканчиваются за полночь, сопровождаются шумом, производимым при помощи металлических предметов; кульминацией же события часто бывает большой костер. Исследователи, как правило, признают эти действия остатками архаичных сельскохозяйственных ритуалов, направленных, с одной стороны, на ослабление и изгнание сил зла, особенно активных в этот период, а с другой — на высвобождение и пробуждение жизненных сил природы. Тот факт, что в исполнении обряда в основном участвуют дети, объясняется двояко: во-первых, это может быть свидетельством постепенного вырождения ритуала, первоначально выполняемого взрослыми, до уровня детской забавы[4]; во-вторых, возможно, что выполнение этого обряда всегда поручалось детям как членам общины, наиболее подходящим с точки зрения мифологического сознания для общения с миром духов[5].

К вышеописанным обрядовым действиям, сохраняющимся до нашего времени, можно отнести обряды изгнания зимы *(La cassada del mars, La scassada del Zenerú)*, встречающиеся в основном в горных местностях провинций Комо и Бергамо. Дети и подростки поздно вечером в последний день января (или в некоторых местах марта) обегают город или село, производя оглушающий шум при помощи различных предметов, в последнее время — жестяных банок из-под газированных напитков, связанных между собой в длинную гирлянду. В настоящее время участники этих действий видят в них лишь возможность безнаказанного шумного веселья без участия взрослых в неурочное время [Там же, 14, 39–40].

Еще один обряд, выполняемый детьми в начале марта (чаще всего 1 марта), сохраняется на севере Ломбардии под названием *Ciamà l'erba* — «Вызывание травы». Сходная система ритуалов распространена на большей части северной Италии, от Ломбардии до Фриули, часто под названием *Tratto marzo* — «Изгнание марта». Форма его напоминает вышеописанный обряд *Giobiana* в поселке Вальторта.

В целом бытование подобного типа обрядов на территории Ломбардии можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, в удаленных горных и предгорных районах области, отличающихся большей степенью изоляции и замедленностью процессов трансформации традиционной культуры обряд сохраняется в форме, наиболее непосредственным образом связанной с сельскохозяйственной деятельностью населения («Вызывание травы») и живет благодаря ежегодному его воспроизведению самими членами общины.

Во-вторых, в небольших ремесленных центрах на севере области обряд чаще всего выражается в шумном уличном шествии молодежи, которое часто в последние десятилетия завершается костром или сожжением чучела, олицетворяющего все зло, совершенное в течение года жителями городка («Изгнание» января или марта), сливаясь с карнавальными празднествами.

В-третьих, есть случаи содействия местных властей и общественных организаций в возрождении праздников типа *Giübiana* в Кантý, которые привлекают как организаторов, так и участников своей эмоциональной насыщенностью, возможностью превращения в яркое массовое действо.

Карнавалы заслуживают особого внимания не только потому, что представляют собой наиболее яркий пример возрождения традиционных праздников, происходящий в последние десятилетия, но и потому, что являются самым изученным и изучаемым феноменом народной духовной культуры всей Италии, и в частности Ломбардии. По данным последних лет

[4] «Ценностное снижение традиции», по выражению И. Н. Гроздовой и С. А. Токарева [Календарные обычаи 1977, 345]. Эта точка зрения весьма широко представлена в этнографии и фольклористике, см., например: [Пропп 2000, 40, 46].

[5] Тему «ребенок как чужак», связь детей с миром мертвых и духов рассматривал уже А. ван Геннеп [Геннеп 1999, 51–53]; о детях (наряду с нищими и др.) как лицах, которым в силу их «инаковости» поручается в праздничной обрядности представлять существа иного мира см.: [Lombardi Satriani, Meligrana 1989, 135; Buttitta 2006].

можно видеть почти повсеместное возвращение карнавальной практики, с бóльшим или меньшим следованием традиции.

В наиболее традиционной форме карнавалы сохраняются в альпийской и приальпийской зонах, в местностях, не получивших в послевоенные годы возможностей кардинальных экономических и социальных изменений. Карнавал здесь разворачивается по двум основным сценариям: это либо процессия масок, либо представление, устраиваемое на центральной площади. В процессии, как правило, участвуют одни и те же основные персонажи: старик, старуха, дьявол, музыкант, маски, представляющие некоторые распространенные профессии, например, медник, плотник, точильщик, доктор и другие.

В вышеописанном поселке Вальторта карнавал проходит именно таким образом. Маски из кусков ткани ярких цветов изготавливаются и надеваются самими жителями, однако старики еще помнят, что в прошлом использовались деревянные маски, что говорит о значительной древности в этой местности карнавальной традиции. Маски делятся на «красавцев» и «уродов» *(i Bèi e i Bröcc)*, что является отражением бытовавших в прошлом социальных противоречий. «Красавцы», как правило, разряжены, украшены большим количеством разноцветной мишуры, а «уроды» одеты в лохмотья и шкуры и представляют нищих и пьяниц. Маски двигаются парами по поселку; Старик в длинном плаще и черной маске, с прикрепленным к талии коровьим боталом, которое гремит при каждом его шаге, одной рукой опирается на палку, другой держит под руку Старуху. Часто в стариков рядятся несколько человек, которые прячутся у дороги и неожиданно выскакивают, пугая прохожих. Старуха с ног до головы одета в черное, на ногах подбитые гвоздями деревянные башмаки, один выше другого, чтобы придать больший реализм хромоте при ходьбе. Она тоже опирается на палку; на спине под шалью прикреплена подушка — «горб». Дьявол одет целиком в красное, на лице красная маска, из которой торчат два черных козьих рога. В руке у него большой козий рог, в который он время от времени дудит. Другие дьяволы в процессии вооружены двузубыми вилами, окрашенными в красный цвет, которыми пользуются, удерживая на месте встреченного ими ребенка (прижимают вилами его ступни к земле), в то время как новые подоспевшие дьяволы прыгают вокруг него, громко звеня привязанными к талии коровьими колокольцами [Там же, 22–23].

В другом виде карнавального представления персонажи разыгрывают на площади традиционные сцены ритуального спектакля: болезнь и смерть Карнавала, публичное оглашение его завещания, в котором перечисляются дурные дела, совершенные членами общины за прошедший год, похороны Карнавала.

Доссена — небольшой городок, расположенный в северной части провинции Бергамо, на гористом возвышении между долинами рек Брембо и Серио, — в прошлом служил перевалочным пунктом в торговле между двумя долинами, а сейчас известен как место летнего отдыха. Ежегодно благодаря деятельности нескольких энтузиастов, объединившихся в фольклорную группу, он предоставляет возможность присутствовать на традиционном альпийском карнавале. Представление, проходящее ночью, состоит из следующих сцен. Старик, мертвецки пьяный, с трудом удерживаемый на ногах Дочерью-дурнушкой (на выданье) и женой, появляется в центре площадки, освобожденной для представления безымянной маской в желто-красном костюме. Жена постоянно пилит мужа за его бесчисленные пороки и грехи. Старик, почувствовав себя плохо, требует врача, но жена, уложив старика спать, зовет нотариуса для составления завещания. Старику во сне (а остальным наяву) являются Смерть, одетая в черный плащ с горизонтальными белыми полосами, которые в темноте и за счет неожиданности производят соответствующее впечатление на зрителей, Дьявол, одетый в красное, и Ангел в голубом наряде. Смерть невозмутимо принимается оттачивать косу, а Дьявол и Ангел вступают в спор о том, кому достанется душа умирающего, представленная кошачьей шкурой. Наконец появляются Врач и Нотариус; последний оглашает текст шуточного завещания; все персонажи ставят свои подписи; затем Врач при помощи огромного шприца мгновенно оживляет умирающего, который, как только приходит в себя, принимается колотить жену. Смерть покидает сцену, и вместе с ней удаляются Дьявол, уносящий наполненный ночной горшок, и Ангел, разбрасывающий лепестки роз. Канва спектакля, как правило, остается

неизменной, а содержание реплик изменяется в зависимости от остроумия исполнителей [Там же, 15–17].

Схожие по типу карнавалы лежат в основе праздников в Баголино, провинция Бреша, и Скиньяно, провинция Комо, однако здесь в последние годы из-за вмешательства властей эти карнавалы приобрели частично формы организованного, заранее спланированного зрелища. К Скиньяно это пока относится в меньшей степени, благодаря импровизации исполняющих роли «красавцев» и «уродов»: они двигаются длинной процессией по улицам города и заигрывают со зрителями, пытаясь вовлечь их в карнавальную атмосферу, дать им возможность почувствовать себя участниками шуточного действа. Карнавал в Скиньяно завершается «оплакиванием» и торжественным сожжением чучела Карнавала. Маски, используемые участниками,— это либо прекрасные деревянные маски старой работы, либо их довольно точные современные копии [Sordi 1976, 201].

Возрожденный в последние десятилетия карнавал в Баголино состоит на деле из двух компонентов. Один из них представлен шествием танцоров и музыкантов, как правило, представителей ранее пастушеско-крестьянской, а теперь рабочей среды; другой — «маски» — представлен торговцами городка; два карнавала существуют параллельно, иногда не обходится без столкновений [Sordi 1976a, 25].

И в самом Милане после 1981 г. карнавальная активность переживает значительный подъем. Это тем более неожиданно, что в 1950–1970-е гг. созерцание жалкого зрелища, к которому был сведен карнавал, бывший во второй половине XIX — начале XX в. знаменитым почти наравне с венецианским, позволяло многим предположить его дальнейшее забвение. В первые послевоенные десятилетия в карнавале принимает участие всё меньшее число взрослых; происходит постепенное превращение его в детский праздник. Исчезает основная черта карнавала — его социальная направленность, карнавал перестает быть общественным проявлением единства данного коллектива. При этом в 1950-е гг. в рамках карнавала находят место некоторые негативные социальные явления. В центре города и на больших улицах, ведущих от центра к периферии, появляются группы подростков, иногда с масками на лицах, совершающие поступки, обычно расцениваемые как хулиганские, — грубые выпады в отношении девушек, удары прохожих резиновыми дубинками. Реакция властей на эти факты выразилась в запрете в 1952 г. ношения масок ради сохранения общественного порядка. Однако в дальнейшем, и особенно в 1970-е гг. — время, когда вся Италия живет в страхе перед актами терроризма и растущей преступностью, — общие настроения беспокойства и тревоги отражаются и на атмосфере карнавального периода. В 1976 г. мероприятия, организованные отделом спорта и досуга миланского муниципалитета, приходится отменить, дабы избежать возможных столкновений. Город наполнен слухами о неких молодежных бандах, вооруженных апельсинами и картофелем, начиненными бритвенными лезвиями, и угрожающих разграблением магазинов в центре города. И хотя благодаря усиленной охране центра города силами полиции ни один из пугающих население слухов не сбывается, в городе царит напряженная обстановка ожидания насильственных действий.

В 1981 г. миланский муниципалитет по примеру Венеции, в которой годом раньше с успехом был проведен восстановленный карнавал, решает с размахом организовать собственный праздник. В дело организации и проведения карнавала, находившееся до этого в ведении вышеупомянутого подразделения муниципалитета, которое лишь осуществляло координацию мероприятий, готовившихся силами различных общественных объединений, включается отдел культуры. На проведение карнавала на этот раз выделяются значительные средства. Непосредственная организация театральных мероприятий поручена Центру театральных исследований (Centro Ricerca Teatrale), коллективу, занимающемуся изучением форм уличного и народного театра. К участию в карнавале приглашаются профессиональные актеры уличных театров, а также некоторые народные театральные коллективы. Праздник имеет массовый успех: впервые за много лет центр города заполняется взрослыми в масках, а случаев проявления поведения, выходящего за рамки общественно дозволенного, в этот год не отмечается.

В дальнейшем, несмотря на сокращение финансовых ассигнований на подготовку профессиональной части праздника

(в связи с экономическим кризисом 1983–1984 гг.), карнавал привлекает с каждым годом всё больше участников, постепенно распространяясь в более отдаленные от центра кварталы города. В шумных процессиях можно увидеть группы масок, разыгрывающих пантомимы на сюжеты из современной политической жизни, изображающих любимых теле- и киногероев, критические зарисовки социального характера. В 1984 г. в карнавале принимает участие группа сардинцев, одетых в традиционные маски своего региона — *mamuthones*. Случаи хулиганства в центре города с момента организации карнавала в 1981 г. прекращаются.

Феномен миланского карнавала сложно объяснить, применяя классические средства анализа праздника, разработанные в основном в исследованиях традиционных обществ, преимущественно сельских, социальная стратификация которых далеко не такая сложная, как в большом современном городе.

Так, исследование степени и форм участия в карнавале различных социальных и возрастных групп позволяет итальянским исследователям современных проявлений народной культуры в сложных обществах предположить наличие в миланском карнавале полярности, присущей в целом многим праздникам. Один из полюсов представлен так называемыми молодежными бандами, понимающими период карнавала как время дозволенного нарушения правил общественного поведения. Своими поступками они бессознательно подвергают испытанию существующий порядок и воспринимаются окружающими как воплощение социального кризиса. На другом полюсе находятся различные общественные объединения по организации досуга, представляющие собой стабильный элемент и пытающиеся любым способом добиться положительной оценки своей деятельности со стороны населения. Представители этих организаций часто пытаются создать идеологическую основу праздника в оправдание необходимости своего в нем участия как «служения родному городу, нуждающемуся в глотке веселья, в улыбке» [Minervini 1985, 447]. Другая общественная организация, проводящая в рамках карнавала мероприятия для детей и подростков, объясняет свое участие в празднике причинами, выходящими за рамки собственно праздника: карнавал видится как большая игра, организуемая с воспитательной целью. Таким образом, идеологизация праздника помогает придать ему утраченный ранее смысл.

Важно отметить отрицательное отношение устроителей организованной части карнавала к надеванию масок. Маска воспринимается как инструмент, помогающий скрыть свое «я», а в организованном празднике преобладает стремление свести к минимуму связанные с праздничным поведением эксцессы.

По сути, эта полярность, возникающая между различными компонентами миланского карнавала, может восприниматься в рамках традиционного разделения на «красавцев» и «уродов», встречающегося во многих исконно народных карнавалах.

Подводя итоги всего изложенного выше, можно сделать следующие выводы. Во-первых, те местности Ломбардии, которые после войны продолжали существовать в условиях относительной культурной изоляции, хотя и сохранили благодаря этому наиболее архаичные формы традиционной духовной культуры, тем не менее оказались в наибольшей степени подвержены процессам постепенного самостоятельного отмирания различных элементов этой культуры. Это произошло, с одной стороны, вследствие оттока наиболее активной части населения в города, с другой — из-за недостаточного интереса властей к сохранению праздников в невыгодных с точки зрения туризма регионах, в-третьих, из-за отсутствия общественных структур, которые бы взяли на себя задачу возрождения традиций. Продолжают бытовать в альпийской и приальпийской зонах в основном обряды в форме детской игры или развлечения подростков, а также карнавалы.

Во-вторых, изменения в сфере праздников, произошедшие в послевоенные годы в регионах интенсивного промышленного развития, связанные с их возрождением после почти двадцатилетнего периода забвения, свидетельствуют о потребности общества даже на развитой стадии в таком типе взаимодействия между его членами, какой реализуется в процессе праздника. Однако сложная социальная структура индустриального общества оказывает воздействие

как на форму возрожденного праздника, так и на состав и роли его участников[6].

В целом следует предположить, что, скорее всего, именно социально-культурная среда крупного города в настоящем и будущем послужит почвой для зарождения новых и преобразования старых форм народной праздничной культуры.

Литература

Геннеп 1999 — *Геннеп А. ван* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.

Кабицкий 2008 — *Кабицкий М. Е.* [Рецензия] // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 185–187. Рецензия на: I. E. Buttitta. La memoria lunga. Simboli e riti della religiosita tradizionale. Roma, 2002; I. E. Buttitta. Il fuoco. Simbolismo e pratiche rituali. Palermo, 2002; I. E. Buttitta. I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa. Roma, 2006; I. E. Buttitta. Feste dell'alloro in Sicilia. Palermo, 2006.

Календарные обычаи 1977 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1977.

Календарные обычаи 1983 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1983.

Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М., 2000.

Buttitta 2006 — *Buttitta I. E.* I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa. Roma, 2006.

Irranca 1980 — *Irranca F.* Feste e tradizioni popolari nelle valli brembana e seriana. Bergamo, 1980.

Leydi 1988 — *Leydi R.* Spazi antichi e nuovi della festività popolare: Lombardia // Le tradizioni popolari in Italia. La festa, a cura di A. Falassi. Milano, 1988. P. 56–57.

Lombardi Satriani, Meligrana 1989 — *Lombardi Satriani L. M., Meligrana M.* Il ponte di San Giacomo. L'ideologia della morte nella società contadina del Sud. Palermo, 1989.

Minervini 1985 — *Minervini E.* Il carnevale di Milano tra istituzione e spontaneità // Della Peruta F., Leydi R., Stella A. Milano e il suo territorio. Milano, 1985.

Sordi 1976 — *Sordi I.* Il carnevale di Schignano e le sue maschere // Leydi R., Sanga G. Como e il suo territorio. Milano, 1976. P. 201–238.

Sordi 1976a — *Sordi I.* I riti di carnevale a Bagolino // Leydi R., Pianta B. Brescia e il suo territorio. Milano, 1976. P. 25–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Независимый исследователь: Российская Федерация, г. Москва; e-mail: viola_fiorello@mail.ru

TRANSFORMATION TENDENCIES OF TRADITIONAL SPIRITUAL CULTURE ELEMENTS IN CONDITIONS OF INDUSTRIAL SOCIETY (EXEMPLIFIED IN LOMBARDY FOLK FESTIVITIES)

MARIYA CHELINTSEVA

(Independent researcher: Moscow, Russian Federation)

Summary. *Traditional festive culture of Lombardy, which has been previously considered as uninteresting and doomed to extinction, is reviving recently. It is developing, sometimes in unexpected ways, getting adapted to new circumstances and needs of the local population. Ritual acts of the*

[6] Как уже было отмечено (кстати, именно в связи с этнографией Италии), «…ожидалось, что с изменением способа производства и образа жизни целый пласт духовной культуры, целый комплекс обрядовых действий и праздников должен выйти из употребления. Деятельность этнографов второй половины двадцатого века показала иную картину: мы, порой с удивлением, наблюдаем их "упорное сохранение". Помимо верности традициям, проверенным тысячелетней практикой, можно видеть причину этого в осознанном выборе человеческого коллектива в пользу сохранения своей самости, сохранения самого себя как communitas. Элементы старого религиозно-символического языка приобретают новую "функцию-значение"» [Кабицкий 2008, 186].

winter-spring transition period, that have survived up to now, include the custom of kindling bonfires on St. Anthony's day (the 17th of January), as well as the rites of burning of Giobiana the stuffed witch on the last Thursday of January, of "invocation of herb" on the first Thursday or the first day of March, of expulsion of the winter on the last day of January or March. There in remote areas of the region, ceremonialism of the winter-spring transition period is most closely associated with agricultural occupation of the vernacular population and involves members of the community directly. There in the industrial and handicraft centers in the north of the region, youth street processions related with winter-spring transition rites are merging with local carnival festivities. Due to assistance of local authorities and non-governmental organizations, these pageants present vivid mass celebrations.

Carnivals are the most studied phenomena of folk spiritual culture of Italy and, in particular, of Lombardy region, and they are experiencing a revival everywhere in the country. These events adhere the tradition more (in the alpine and pre-alpine zones) or less close (in industrial centers and large cities, including Milan). In case of intervention or promotion by the authorities the event turns into the form of organized, pre-planned spectacle. Most likely it is the socio-cultural environment of a large city that will serve as a breeding ground for emergence of new forms of popular festive culture and for transformation of the old ones.

Key words: *transformation of tradition, Italian folklore.*

References

Buttitta I. E. (2006) I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa [The Dead and Wheat. Times of Work and Rhythms of Festivals]. Roma. In Italian.

Irranca F. (1980) Feste e tradizioni popolari nelle valli brembana e seriana [Festivities and Popular Traditions in the Valleys of Brembana and Seriana]. Bergamo. In Italian.

Kabitskiy M. E. (2008) [Review]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnographic Review]. 2008. No. 2. Pp. 185–187. Review upon: I. E. Buttitta. La memoria lunga. Simboli e riti della religiosità tradizionale [A Long Memory. Symbols and Rituals of Traditional Religiosity]. Roma, 2002; I. E. Buttitta. Il fuoco. Simbolismo e pratiche rituali [Fire. Symbolism and Ritual Practices.]. Palermo, 2002; I. E. Buttitta. I morti e il grano. Tempi del lavoro e ritmi della festa [The Dead and Wheat. Times of Work and Rhythms of Festivals]. Roma, 2006; I. E. Buttitta. Feste dell'alloro in Sicilia [Laurel Feast in Sicily]. Palermo, 2006. In Russian.

Leydi R. (1988) Spazi antichi e nuovi della festività popolare: Lombardia [Space of Old and New Popular Festivity: Lombardy]. *Le tradizioni popolari in Italia. La festa.* [Popular Traditions in Italy. The Festival]. Ed by Falassi A. Milano. P. 56–57. In Italian.

Lombardi Satriani L. M., Meligrana M. (1989) Il ponte di San Giacomo. L'ideologia della morte nella società contadina del Sud [The Bridge of Saint Giacomo. Ideology of Death in the Peasant Society of the South]. Palermo. In Italian.

Minervini E. (1985) Il carnevale di Milano tra istituzione e spontaneità [The Carnival of Milan between Institution and Spontaneity]. Della Peruta F., Leydi R., Stella A. *Milan and its territory*. Milano. In Italian.

Propp V. Ya. (2000) Russkie agrarnye prazdniki. Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya [Russian Agrarian Holidays. Probe on Historical and Ethnographical Research]. Moscow. In Russian.

Sordi I. (1976) Il carnevale di Schignano e le sue maschere [The Carnival of Schignano and its Masks]. Leydi R., Sanga G. *Como e il suo territorio* [Como and its Territory]. Milano. Pp. 201–238. In Italian.

Sordi I. (1976) I riti di carnevale a Bagolino [Rites of Carnival in Bagolino]. *Leydi R., Pianta B. Brescia e il suo territorio* [Brescia and its Territory]. Milano. Pp. 25–42. In Italian.

Tokarev S. A. (ed.) (1977) Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Konets XIX — nachalo XX v. Vesennie prazdniki [Calendar Customs and Rituals in the Countries of the Foreign Europe. The End of the 19th — the Beginning of the 20th Century. Spring Holidays]. Moscow. In Russian.

Tokarev S. A. (ed.) (1983) Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar Customs and Rituals in the Countries of the Foreign Europe. Historical Roots and Development of the Customs]. Moscow. In Russian.

Van Gennep A. (1999) Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [The Rites of Passage. Systematic Studies of Rituals]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: viola-fiorello@mail.ru
Moscow, Russian Federation
Independent researcher